

Уважайте класс писателей, но не допускайте
же его овладеть вами совершенно.

А. С. Пушкин

Русский национализм: реакция на униженность России

Мой ответ на проект С. Алехина с Е. Меркурьевым г. (по поводу Манифеста) породил ответное послание, а точнее целое эссе, в котором С. Алехин, опираясь на “глыбу” – Л. Толстого, пытается рассуждать на тему “причин исторических событий” и “роли личности в истории”[1].

Я бы не стал отвечать на это эссе, поскольку поднятые в нем проблемы давно решены не только учеными марксистского направления, но и экономистами и философами еще домарковского периода. Понимаю, что стиль моего изложения не может не коробить С. Алехина, судя по всему, очень интеллигентного человека. Желание его не обидеть было второй причиной моего молчания. Но тут по странному стечению обстоятельств за это время я вынужден был прочитать очень толстые книги. Одна из них – книга Э. Позднякова “Философия культуры” (М., 1996, 576 с.), другая – С. Кара-Мурза “Манипуляция сознанием” (М., 2000, 734 с.), третья – В.А. Корзун “Кто мы? Откуда пришли? Зачем здесь? Куда идем? Взгляд земной на мир горний” (М., 2001, 512 с.). К своему удивлению я обнаружил у всех авторов, кстати, моих хороших знакомых, одно любопытное сходство – презрение к Западу, его мыслителям, постоянное подчеркивание превосходства отечественных мыслителей и писателей. Дескать, это хваленый Запад не смог даже ответить на такой вопрос: в чем смысл человеческой жизни? (Э. Поздняков), а вся их наука ничто иное, как манипуляция сознанием (С. Кара-Мурза), и вообще вся их “мудрость” состоит из одних противоречий (В. Корзун).

Хочу подчеркнуть, что эти книги написаны весьма известными российскими учеными (все доктора наук и академики каких-то академий), которых я всегда относил и отношу к самой высшей категории российских ученых, пишущих в сфере общественных наук. Когда я сопяг их труды с десятками книг, написанных в национал-патриотическом ключе, у меня сложилась некая целостная картина, суть которой заключается в следующем.

В нынешней России утвердилось довольно мощное идеологическое течение, в основе которого лежит идея превосходства России над Западом, души над рационализмом, правды над истиной. Это – не идеология шовинизма, а типичный классический образец идеологии оскорбленного национализма. Разница заключается в том, что шовинизм покоится на силе, причем не на силе духа, а именно на материальной силе. Примером могут служить нынешние США и даже Япония, которая, после того как стала второй экономической державой, устами бывшего премьер-министра Я. Накасонэ провозгласила лозунг: теперь не мы должны учиться у Запада, а Запад – у нас. Это, повторяю, шовинизм. Истоки национализма – в слабости. Любое национальное или национально-освободительное движение являет собой реакцию на унижение, оскорбление со стороны внешних сил или внутренних обстоятельств.

Современная Россия – униженная и разоренная страна. Попытки вновь восстановиться по западным моделям провалились. Демократия и рынок в этой стране не сработали. Реакция: Запад – дерьмо. Естественно, дерьмо и все, что связано с Западом: его культура, философия, экономика. Патриоты призывают к внутренним резервам русского народа, к его духовным силам, которые не раз и не два в истории показывали “кузькину мать” этим западным недоумкам. Но нужна патриотическая идея. Где ее взять? Поскольку крупных оригинальных философов Россия не знала, то начали обращаться к своим писателям, которые потрясли мир. Именно они и открывали ПРАВДУ. Обычно в этой связи называется великая троица: Толстой-Достоевский-Чехов.

О причинах исторических событий и роли личности в истории рассуждает любой думающий человек, в том числе и автор эссе С. Алехин, который в подкрепление своим мыслям привлек великого писателя Льва Толстого, как якобы истинную меру. Ему (Алехину) показалось, что в романе Толстого Война и мир, точнее во второй части Эпилога есть правильное разъяснение этих животрепещущих проблем. Но, жалеет Алехин, гениальные толкования писателя не вошли в сознание читателей, скорее всего потому, что мало, кто дочитал роман до конца.

Возможно, я был один из немногих (знаю это по своему окружению), кто дочитал этот роман до конца вместе с Эпилогом. Теперь я жалею об этом. Чтение именно Эпилога отвратило меня от произведений Толстого. Я опасался встретить в них аналогичный уровень философского мышления Толстого, какой был представлен в Эпилоге. А теперь все по порядку.

С. Алехин об исторических открытиях Толстого

С. Алехин просуммировал “четыре основных аспекта” концепции Толстого, которые ему показались настолько новаторскими, что их поймут только будущие поколения “через сто-двести лет”. Вот они:

“1. Он (Толстой) считал, что основная движущая сила истории - все население, «все люди» соответствующей страны, а если мы занимаемся всемирной историей, то все население земного шара.

2. В основе исторических процессов лежит сочетание чрезвычайно большого количества в значительной степени непредсказуемых событий и непрерывных процессов (в которых, тем не менее, есть свои закономерности). Многое при этом определяется не разумом, а подсознанием людей.

3. Чрезвычайно важен (а для Российской истории - жизненно важен) географический аспект исторических событий. В «географии» кроется объяснение многих закономерностей пути России.

4. Наконец, важную (для России ключевую) роль играют особенности национального характера”.

Предположим, что именно в этих “аспектах” проявил себя Толстой как великий философ. Разберем их подробнее. Я сознательно не буду ссылаться на работы Маркса или Энгельса и вообще социалистическую литературу XIX века, в которой все названные “аспекты” разжеваны-пережеваны в мельчайших деталях, причем нередко близком к толстовскому пониманию ключе. Обратимся к другим, так сказать, не-марксистам — не-социалистам.

Берем аспект № 1. И оказывается, что еще в начале XIV века итальянец Марсилиус Падуанский в своем известном для образованных людей трактате “Защитник мира” писал, что именно народ является источником всей власти, носителем суверенитета и верховным законодателем, и потому именно народ, т.е. масса (правда, лучшая ее часть) признается творцом государства, а в те времена это означало — творцом истории. После него эту идею (для того времени, между прочим, весьма крамольную)

распространяли сотни философов (была целая падуанская школа), и среди них Томас Мюнцер, который эту идею пытался воплотить в своей революционной практике.

Но в еще более теоретизированном варианте о народе писал французский историк Жюль Мишле именно в своем знаменитом трактате “Народ”. Именно о Мишле и Фюстеле де Куланже другой французский историк Марк Блок писал в своей “Апологии истории”, что они “уже давно научили нас это понимать: предметом истории является человек. Скажем точнее – люди”. А тот и другой написали свои основные труды до выхода романа Война и мир.

Но самое интересное: о народе как творце истории писал русский историк Т.Н. Грановский. Достаточно прочитать его лекции 1848/49 и 1849/50 гг.

Аспект №2. Об этом писали практически все без исключения (кому не лень, полистайте хотя бы Гоббса, Локка, Вико, Гердера и от него до Гегеля).

Аспект №3. О важности географического фактора, о котором, кстати, сам Толстой упоминает вскользь, писал еще француз Жан Боден в своем обширном труде “Шесть книг о республике” (1576 г.), где подчеркивал, что “тип государства зависит от географии и климата”. Затем давал характеристики странам, исходя из данной идеи. Географический фактор не был загадкой и для русских историков. Помимо С.М. Соловьева, весьма подробно эту тему развивал В.О. Ключевский. И если у Толстого не было возможностей прочитать Ключевского к моменту написания своего знаменитого романа, то С. Алехин мог бы хотя бы мельком взглянуть на специальную статью Ключевского по данной теме (“Этнографические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья...Влияние природы Верхнего Поволжья на народное хозяйство Великороссии и на племенной характер великоросса”).

Аспект №4. Об особенностях национального характера до Толстого писали не только на Западе, но и в России, начиная с Ломоносова. В толстовские времена об этом подробно писал во множестве статей Н.Я. Данилевский еще до выхода романа Война и мир, а в последствии он изложил это в знаменитой книге “Россия и Европа”, кстати, опубликованной в год выхода толстовского романа.

Так что же нового привнес Толстой в понимание истории, чего не было бы уже высказано до него. Ответ однозначен — ни-че-го.

С. Алехин, противопоставляя точку зрения Толстого марксистским воззрениям — первый, дескать, исходил из того, что для понимания исторических процессов “одинаково важны все стороны повседневной жизни”, а марксисты обращали внимание “в основном на классовые аспекты поведения людей” — измеряет в одной плоскости толстовство и марксизм, тогда как это методологические полярности, перпендикулярные направления мышления.

Господин Алехин, судя по всему, не знаком с оригинальными работами Маркса и Энгельса (иначе он не написал бы ТАКОЕ эссе), а то очень бы удивился, прочитав хотя бы один том переписки двух титанов, где Маркс и Энгельс живо обсуждали такие стороны “повседневной жизни”, как достоинство табака и вин в Алжире и наличие тараканов в гостиницах Карловых Варов. Но дело не в этом. Для описания “всех сторон жизни” существует масса писателей. Социальные же ученые обязаны сконцентрироваться на тех аспектах, которые как раз и оказывают влияние на ход исторических событий. Ученый обязан из бесконечных сторон повседневной жизни выявить те стороны, которые во взаимодействии определяют движение нации, государства, мировой ход истории. Философ Толстой этого не сумел сделать и поэтому оказался в плену частных, так и не поняв стержень российской действительности даже под конец своей жизни. Марксисты же именно на основе классового анализа предсказывали ход развития не только в Европе, но и в России. Напомню, что Энгельс по годам прогнозировал политическую и экономическую ситуацию, в том числе и в России, задолго до свершения событий.

Фраза о “важности всех сторон повседневной жизни”, на истинности которой сконцентрировался С. Алехин, бессмысленна в принципе. Что это значит? Что все стороны жизни важны? Так и хочется возразить: да ну? Рассмотреть же все стороны в целостности ни один писатель или ученый никогда не сможет — их бесконечное множество. Это просто красивые слова человека-писателя, не имеющие научного содержания.

С. Алехин перепечатывает массу цитат глупых историков из толстовского Эпилога, которые нужны были Толстому, чтобы показать скудоумие историков, в частности их, так называемую “теорию вождей” (или “теорию заговоров”). Но историки на то и историки, чтобы описывать то, что они видят. Таковыми, между прочим, были наши Н.М. Карамзин и Н.И. Костомаров. А видели они, как правило, даже не явление, не говоря уже о сути, а поверхность явления. В исторической науке таких историков, между прочим, называли хронологистами. Но разве было не понятно Толстому, что о

сути явлений писали не историки-хронолигисты, а философы или политэкономы. А именно их-то Толстой, видимо, не читал или, если и читал, то слишком выборочно, т.е. тех, кто ложился в его схему о глупцах. Какие имена он в этой связи упоминает? Вот они: Гервинус, Шлоссер, Ланфрей и Тьерри. Кроме последнего, остальные канули в вечность, как только почили в бозе. У Тьерри же просто был вырван “кусоч”, который совсем не характеризует его как действительно крупного историка. Но ведь были и другие историки: французы Франсуа Гизо, Алексис де Токвиль, немец Ф. Лоренц, русские историки, хотя бы те же самые С.М. Соловьев или Т.Н. Грановский. Я не называю имен философов истории, их десятки, и все — весьма выдающиеся.

Конечно же, традиция описывать царей и королей была сильна среди историков XIX века. Но эта традиция постепенно ломалась. И окончательно ее сломала, между прочим, именно социалистическая литература, которая впервые как раз на основе классового подхода поставила роль масс в истории на первое место. Но если граф Толстой не был знаком с этой литературой, то господин Алехин мог бы все-таки поинтересоваться кое-какой литературой на эту тему и взглянуть иначе, например, на ту же роль личности в истории. Даже не читая работ В.Г. Плеханова на эту тему, исходя из практики XX века, мог бы Алехин осознать, что она не так пассивна, как представлял ее себе Толстой. Но здесь начинается та самая диалектика, которую все русские учили, конечно, не по Гегелю. (В скобках отмечу: те, кто одолевал Гегеля становились на уровень европейских мыслителей: Белинский, Герцен, Чернышевский, Бакунин, Ткачев, Кропоткин). Разрешение взаимодействия истории, народа и личности в каждом конкретном случае происходит по-разному, в том числе и так, что в этой триаде может решающим оказаться именно личность.

Алехин с удовольствием цитирует Толстого в этой связи: «Про деятельность Александра и Наполеона нельзя сказать, чтобы она была полезна или вредна, ибо мы не можем сказать, для чего она была полезна и для чего вредна». Исходя из подобной посылки, видимо, нет ответа и в отношении деятельности Гитлера, Муссолини, Ельцина, Горбачева. Но если кто-то не может сказать, для чего была полезна или вредна деятельность той или иной исторической личности (даже не обязательно исторической), то ему вообще ничего не надо ни говорить, ни писать. Поскольку уровень его сознания находится в доисторическом состоянии.

Алехин пишет: “Подчеркнем, что та важность, которую Толстой приписывал случайным событиям, «мелким» происшествиям — была совершенно неприемлема для историков того времени (да и современных историков), которые во всем ищут «железные»,

неопровержимые закономерности и теории (которые и придумывают безапелляционно и в больших количествах)”.

Алехин явно не понял, что Толстой как раз сам опровергает тезис о случайностях. Именно на этом строится его концепция “свободы и необходимости”, к чему я еще вернусь. Но он также не прав и в отношении современных историков, многие из которых как раз зациклились на теории случайностях. Достаточно прочитать работы сторонников социальной бифуркации, особенно в России. (Кстати, когда Алехин обвиняет современных историков или философов, не дотянувшихся до Толстого, не понятно: историков и философов каких стран он имеет в виду. Если французских, то у меня возражений нет, поскольку современных я не знаю. Если американских или русских, то их не знает Алехин. Кого же он имеет в виду?).

Опять же (то ли Алехин совсем оторвался от России, то ли его принципом является “не читать, а писать”), он совершенно не прав, когда пишет, что “географо-этнологическое” направление историографии не жалуется в настоящее время в России. Да вся идеология “неоевразийства” построена на этих принципах. Один А. Дугин чего стоит: всех замордовал этой географией и этнологией.

Судя по всему, Алехин не понял и рассуждений Толстого о войне между Наполеоном и Александром, которая, дескать, была войной между всей Европой с одной стороны и Россией – с другой. Сам Толстой, хотя и мельком, но написал как бы в ответ на это: “Люди идут с запада на восток, убивая себе подобных, и событию этому сопутствуют слова о славе Франции, низости Англии и т.д. История показывает нам, что эти оправдания события не имеют никакого общего смысла, противоречат сами по себе, как убийство человека, вследствие признания его прав, и убийство миллионов в России для унижения Англии”(курс. мой)[2].

Тезис о борьбе всей Европы с Россией притянут за уши ради именно евразийской идеи. На самом деле Наполеон воевал всю континентальную Европу, в том числе и Россию, из-за стратегических противоречий с Великобританией. Точно так же, как в 1813 г. вся Европа напала на Наполеоновскую Францию, а в 1815 г. устроила ей Ватерлоо. Где здесь водораздел между Европой и Россией? Это же элементарные войны геостратегического происхождения в эпоху слома двух формаций. И приписывать Толстому наивность по этой теме означает недооценку самого Толстого.

Алехин в завершение одного из разделов своего эссе почему-то назвал Наполеона “самым великим полководцем всех времен”. Видимо, совсем офранцузился. Или не знает таких имен как Александр Македонский, Батый, Чингиз хан, Тамерлан, не говоря уже о российских полководцах, например, Суворова (который весьма успешно бил того же Наполеона), не говоря уже о Сталине, разбившего самую мощную армию всех времен и народов — гитлеровскую армию. Или у Алехина другие критерии “величия”?

Вообще-то в интерпретации Алехина Толстой предстает в очень бледном свете как историк и философ. Это получилось потому, что сам Алехин просто его не понял, или подогнал кое-какие его высказывания под свое видение истории, которое ему было необходимо, чтобы обосновать свои взгляды на нынешнюю ситуацию в России.

Поэтому есть смысл обратиться к самому Толстому, к его Эпилогу, тем более, что проблемы, которые он там поднимает хотя в научном плане давно решены, но могут показаться актуальными с политической точки зрения.

Великое “открытие” Толстого

Итак, Толстой через философствование пытается понять, “какая причина исторических событий?” (с.321). Отвечая на этот вопрос, он выстраивает цепочку слов: случайность—сила—власть—свобода—необходимость, которым придает понятийное содержание.

Посмеявшись над историками, описывающими историю на базе случайных событий, он через цепь рассуждений приходит к понятию НЕОБХОДИМОСТИ. Но перед этим он “пробует” и понятие СИЛЫ, которое в исторических объяснениях, по его мнению, сводится к понятию ВЛАСТИ. Он разбирает несколько определений понятия власти (одно из них: “Власть есть совокупность воли масс, перенесенная выраженным или молчаливым согласием на избранных массами правителей”. – с.315). Обнаружив в них тавтологию, он заключает, что “власть есть слово, значение которого нам не понятно” (с.321). И таким образом сила—власть устраняется из его объяснения о “причинах исторических событий”.

Затем он переходит к анализу слова СВОБОДА, поскольку многие историки именно через стремление к свободе объясняют цель исторического движения. Толстой справедливо доказывает, что “полной свободы” быть не может, она всюду чем-то

ограничена (в частности, той самой географией). Несмотря на это, “все стремления людей, все побуждения к жизни суть только стремления к увеличению свободы” (с. 332). То есть человек без свободы уже не человек (с. 342). И тем не менее эта свобода действия людей должна быть ограничена и ограничена “неизменным законом, выражаемым статистикой” (с. 333). Причем в данном случае статистика, Толстой не объяснил, но задолго до него роль статистики очень хорошо объяснил Т.Н. Грановский. Но все равно верно по существу. Толстой сопряг понятие свободы и необходимости и начал разбирать их соотношения. Приведя ряд банальных примеров, он поначалу еще раз повторяет: ибо как только нет свободы, нет и человека. “И потому представление о действии человека, подлежащем одному закону необходимости, без малейшего остатка свободы, так же невозможно, как и представление о вполне свободном действии человека” (с.342). Вместе с тем: “Для того чтобы представить себе человека совершенно свободного, не подлежащего закону необходимости, мы должны представить его себе одного вне пространства, вне времени и вне зависимости от причин” (курс. Толстого, с.343).

Вообще-то все это можно было бы выразить одной фразой: свобода есть осознанная необходимость. Вместо этого, он продолжает довольно нудно и пространно разъяснять эту мысль, которая, видимо, для него самого казалась великим открытием.

В конечном счете, вся его философия свелась к утверждению диалектической взаимосвязи свободы и необходимости. Все это хорошо, только подобное утверждение, фундаментально обоснованное именно философски, было сделано задолго до Толстого. Достаточно было почитать, например, Баруха Спинозу, посвятившего немало страниц проблеме “меры свободы индивидуума и государства”, и который в одном месте писал (цитирую по памяти): “свобода возможна лишь на основе и в границах познанных естественных необходимостей”. Я уж не говорю о Гегеле, где все эти вещи расписаны до мельчайших деталей.

Толстой, конечно, не философ. Когда он начинает философствовать, его яркий язык художника приобретает поразительную неуклюжесть, многословность; мысль скачет от одного понятия к другому. Вся вторая часть Эпилога — это сплошное косноязычие. И совершенно прав был И.С. Тургенев, писавший П. Анненкову: “«Беда, если самоучка принимается философствовать, как это делает Толстой»».

Но самое смешное: сделав “открытие” во взаимоотношениях между свободой и необходимостью, Толстой не объяснил, какое отношение оно имеет к вопросу о

причинах исторических событий. Вот квинтэссенция его понимания истории, выраженная им в послесловии к своей книге:

“Зачем миллионы людей убивали друг друга, тогда как с сотворения мира известно, что это физически и нравственно дурно?”

Затем, что это так неизбежно было нужно, что, исполняя это, люди исполняли тот стихийный, зоологический закон, который исполняют пчелы, истребляя друг друга к осени, по которому самцы животных истребляют друг друга. Другого ответа нельзя дать на этот страшный вопрос” (с. 357).

Это типичный образец социал-дарвинизма, т.е. перенесение законов животного мира на мир общественный. Другими словами, история человечества, по Толстому, развивается по “зоологическим законам”. То есть с помощью своей философии он так и не сумел вскрыть ни противоречий исторического развития, ни пружины поступательного движения истории, или, как говорил Грановский, “прогресс рода человеческого”. Не случайно в одном месте Толстой пишет: “Почему происходит война или революция? мы не знаем” (с.329).

Повторюсь: Толстой оказался не в состоянии разобраться в перипетиях российских событий даже в конце своей жизни. Но он сумел ярко отразить их как художник. Он велик как писатель, но отнюдь не как историк или философ, тем более, не как разъяснитель нынешних бед России.

Нынешней России нужны не толстые

Алехин пишет: «Увы, мы плохо усвоили уроки Толстого-историка. Но еще есть надежда - великий роман Льва Толстого жив, и молодые люди по всей России читают волнующе строки: “Я хотел сказать только, что все мысли, которые имеют огромные последствия, - всегда просты. Вся моя мысль о том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь так просто”».

К сожалению, а может быть, к счастью, молодые люди по всей России не читают Толстого. Они читают Стефана Кинга, Даниель Стил, какую-то Маринину, которая

пишет про “ментов” и погони (но это уж точно, к сожалению). Господину Алехину не надо обольщаться и не надо внушать себе то, чего нет и не будет.

А приведенная фраза Толстого говорит только о том, что он не понимал жизни, не понимал законов общественного развития, не понимал сути исторических процессов. Поэтому “Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества”, и — поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Надеюсь, все поняли, кому принадлежит эта цитата. К ней я бы добавил: еще более смешны современные толстовцы, особенно те, кто, находясь за рубежом, пытаются спасти Россию. Не спасут ее и местные толстовцы, чья смиренная проповедь “непротivления злу” насильем обессиливает волю масс к сопротивлению и умножает его беды и страдания.

Нынешняя Россия нуждается не в толстых, “юродствующих во Христе”, не в тех, кто не знает, что такое революция, а в тех, кто не только знает, что такое революция, но и понимает, что без революции Россия обречена на уничтожение.

[1] Данная статья является откликом на статью С. Алехина “Эпилог Толстого-историка”, которая в свою очередь была реакцией на мои комментарии “Манифеста”, написанная упомянутым автором вместе с Е. Меркуловым. Эти материалы были размещены на сайте Русглобуса в Интернете (www.rg.ru). Оба автора, видимо, русские писатели-иммигранты, живущие во Франции.

[2] Л.Н. Толстой. Собр. соч. в 12-ти томах. М., 1974, т.7, с.327.

Олег Арин
16.09.2003